

Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 2 (136). С. 53–61.

Izvestiya of Altai State University. 2024. No 2 (136). P. 53–61.

Научная статья

УДК 94

ББК 63.3(0)

DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-08

Формирование норвежской национальной идентичности в период датско-норвежской унии (1536–1814 гг.)

Владислав Олегович Мартыненко¹, Юрий Георгиевич Чернышов²

¹Тяжинская средняя общеобразовательная школа №1 им. Героя Кузбасса
Н.И. Масалова, Тяжинский, Россия, vladumgard@mail.ru

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, ashpi@yandex.ru

Original article

The Formation of the Norwegian National Identity during the Danish-Norwegian Union (1536–1814)

Vladislav O. Martynenko¹, Yury G. Chernyshov²

¹Tyazhinskaya Secondary School No.1 Named after Hero of Kuzbass N.I. Masalov,
Tyazhinsky, Russia, vladumgard@mail.ru

²Altai State University, Barnaul, Russia, ashpi@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены различные подходы к вопросу о формировании национальной идентичности в Норвегии. Отмечается, что сложный путь формирования идентичности вряд ли можно описать с помощью какого-то одностороннего подхода. В разные периоды на первый план выходили разные факторы. На примере развития этой страны, которая в 1536–1814 гг. находилась в политической, социально-экономической и культурной зависимости от Дании, выявлены предпосылки генезиса национальной идентичности. Фактор доминирующего государства над не ассимилировавшейся общностью норвежцев, имевшей собственные интересы, играл главенствующую роль. К концу XVIII — началу XIX в. Норвегия от совместной унии уже не получала выгод. В это время постепенно формировалось национальное самосознание, происходила дифференциация от датчан, хотя, как правило, это не принимало форму острого политического противостояния. Для полного формирования национальной идентичности необходимо было создание собственного суверенного государства и принятие конституции, что и произошло в 1814 г.

Ключевые слова: национальная идентичность, имидж страны, Норвегия, Кальмарская уния, датско-норвежская уния

Abstract. The article examines various approaches to the issue of the formation of national identity in Norway. It is noted that the complex path of identity formation can hardly be described using any one-sided approach. In different periods, different factors came to the fore. Using the example of the development of this country, which in the period 1536–1814. was in political, socio-economic and cultural dependence on Denmark, the prerequisites for the genesis of national identity were identified. The factor of the dominant state over the unassimilated community of Norwegians, who had their own interests, played a dominant role. By the end of the 18th - beginning of the 19th centuries. Norway no longer received benefits from the joint union. At this time, national identity was gradually formed, differentiation from the Danes took place, although, as a rule, this did not take the form of acute political confrontation. For the complete formation of national identity, it was necessary to create one's own sovereign state and adopt a constitution, which happened in 1814.

Keywords: national identity, country's image, Norway, Kalmar Union, Danish-Norwegian union

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822.

Для цитирования: Мартыненко В.О., Чернышов Ю.Г. Формирование норвежской национальной идентичности в период датско-норвежской унии (1536–1814 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2024. №2 (136). С. 53–61. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-08.

Тема данной статьи представляется нам интересной и актуальной по следующим причинам. Во-первых, на примере сложной истории формирования норвежской идентичности можно проверить то, насколько «работают» различные теоретические подходы в применении к конкретному материалу. К настоящему времени существует немало таких интерпретаций идентичности, которые нередко абсолютизируют акцент на какой-то одной стороне проблемы, не признавая при этом права оппонентов на их взгляд с другой стороны на тот же предмет исследования. Классическим примером этого является давний спор «примордиалистов» и «конструктивистов» о том, что важнее — исходные традиции этноса или целенаправленное конструирование идентичности «сверху». Можно упомянуть также такие подходы, как «инструментализм», «этносимволизм», «гомеостатизм» («саморегуляция») и т.д. [1–4]. В качестве гипотезы мы хотели бы проверить оправданность «синтезированного», комплексного подхода, с помощью которого можно попытаться объяснить особенности различных этапов формирования норвежской национальной идентичности.

Второй причиной выбора именно норвежской идентичности в качестве предмета исследования является то, что история ее формирования позволяет многое понять в специфике современного норвежского общества и государства. Современная Норвегия выступает нередко как образцовый пример демократического и социального государства. Так, в 2022 г. в списке стран по индексу человеческого развития Норвегия заняла 2-е место, уступив лишь Швейцарии [5]. Большую роль здесь играет и внутренний имидж, который выражается в представлении о стране ее жителей, отношении к власти, политическому курсу, уровню социальной поддержки государством населения и т.д. В Норвегии эти параметры имеют очень высокие показатели. Так, согласно базе данных Numbeo.com о городах и странах, основанной на реальных мнениях людей, Норвегия занимает 8-е место в рейтинге стран по индексу качества жизни [6]. И, конечно, нельзя не согласиться с теми исследователями, которые считают национальную идентичность одним из важнейших факторов формирования имиджа страны [7, с. 42; 8, с. 227].

На сегодняшний день главные черты имиджа Норвегии — социальный мир, социальная справед-

Funding: the research was funded by the Russian Science Foundation (project 23-28-00822).

For citation: Martynenko V.O., Chernyshov Yu.G. The Formation of the Norwegian National Identity during the Danish-Norwegian Union (1536–1814). *Izvestiya of Altai State University*. 2024. №2 (136). P. 53–61. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-08.

ливость, высокий уровень и качество жизни, удовлетворенность жизнью людей [9]. Однако, если заглянуть в историю, можно увидеть, что в некоторые эпохи Норвегия почти «исчезала» с политической карты мира. Каким образом ей удалось стать в итоге «примером успешного развития»? Ответ на этот вопрос надо искать в историческом материале, отражающем специфику происходивших процессов. Главной целью данной статьи является выявление особенностей процесса формирования норвежской идентичности в один из самых сложных периодов — в период датско-норвежской унии 1536–1814 гг.

Прежде чем перейти к конкретному материалу, стоит хотя бы вкратце остановиться на том содержании понятия «национальная идентичность», которое можно считать наиболее обоснованным при использовании в данной статье. Важно отметить, что следует разграничивать понятия «этническая идентичность» и «национальная идентичность», так же, как понятия «этнос» и «нация». Этнос и нация являются различными социальными образованиями, они могут сосуществовать одновременно, при этом этнос исторически первичен по отношению к нации [10, с. 120]. Этнос — устойчивая совокупность людей, обладающих общими особенностями культуры, психики, языка, а также самосознанием (т.е. сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований). При этом нация — более широкое социокультурное понятие, которое возникло в период Нового времени и обозначает группу людей, связанных общностью экономической жизни, территории и объединенных общими политическими институтами [11, с. 157]. Нация надэтнична, она зачастую включает в себя различные этносы, а самой этнической группе необходимо государство, чтобы назвать себя нацией. Таким образом, граница между этнической и национальной идентичностями видится в том, что первая более тесно связана с культурными процессами, а вторая — с понятием государства и концепцией гражданина. Поскольку в основе нации все же лежит этнический фактор, в современной науке нередко синтезируют пути становления национальной идентичности, включая, с одной стороны, политико-институциональные признаки, а с другой — политико-культурные и этнокультурные признаки [12, с. 408].

Один из наиболее известных отечественных специалистов по проблемам идентичности И.С. Семененко в фундаментальном энциклопедическом издании «Идентичность. Личность. Общество. Политика», ответственным редактором которого она является, дает следующие характеристики национальной идентичности: «Понятие национальной идентичности широко используется в публичном дискурсе для обозначения коллективной идентичности национально-государственного (или претендующего на такой статус) сообщества и характеризует самосознание его граждан как членов такого сообщества». При этом исследовательница, говоря о смысле «национально-гражданской» идентичности, справедливо отмечает, что «в странах разных историко-политических традиций "удельный вес" самоотнесенности с государством в трактовке национальной идентичности в публичном дискурсе и ее усвоении индивидом (интериоризации) заметно различается» [12, с. 407]. Именно учет этой меняющейся степени «самоотнесенности с государством» позволяет многое понять в формировании норвежской национальной идентичности.

Национальная идентичность — сложный конструкт, его формирование происходит под воздействием ряда факторов: территориальной общности, организации политической и экономической жизни, истории и культуры, этнического состава населения, ментальных ценностей и религиозных убеждений и т.д. В национальной идентичности переплетаются политическая, гражданская, территориальная, культурная, этническая, религиозная, языковая идентичности. Это порождает большие сложности для использования данного понятия в научном и публичном дискурсе. Поэтому в современной науке не существует однозначного подхода к процессу осознания индивидами своей национальной идентичности. Исследователь Энтони Смит, говоря о природе феномена наций и национализмов, выделял два «проклятых» вопроса: «Вечны нации или историчны?» и «Естественные ли это феномены или феномены искусственные?» [2, с. 33]. Важно также замечание норвежского исследователя Н. Нойманна о том, что в вопросах идентичности «решающий вопрос — где и как пролегает граница с Другими» [13, р. 19].

В большинстве концепций национализмов обычно выделяют необходимое условие в формировании национальной идентичности — «свою историю». Формирование национальной идентичности — исторический феномен, который связан со становлением национальной государственности и национального самосознания, консолидирующего национальное сообщество. Опираясь на это базовое условие, можно утверждать, что нации не возникают «из ниоткуда», они имеют уникальные этнокультурные основания: общую территорию, мифы, историческую память, традиции, ценности, которые накапливаются в куль-

турном багаже народа и передаются через поколения. Но нация имеет также и общие юридические права, политические институты и экономическое пространство. В современном мире поддержание традиций, использование исторической памяти, акцентирование внимания на отдельных аспектах истории находится зачастую в политико-правовом и экономическом поле государства [12, с. 407]. Исторический опыт многих государств наталкивает на мысль о том, что формирование национальной идентичности у разных общностей в разные периоды времени происходило не по одному сценарию, а значит, их стоит рассматривать именно в конкретно-историческом контексте.

Говоря об историографии проблемы формирования норвежской идентичности, можно отметить, что большинство исследователей сходятся на том, что этот процесс активно происходил в конце XVIII — начале XIX в. Так, норвежский профессор Д. Торкильдсен полагает, что до 1814 г. следы национального самосознания прослеживаются в деятельности чиновников и академической среде, что выражено в знании норвежского языка и древней истории [14, р. 265]. Другой норвежский историк С. Багге, не отрицая предыдущую точку зрения, называет также в качестве важного фактора национального возрождения рост численности городского населения в XIX в. и ранее [15, р. 16]. Исследователь С. Дюрвик выделяет множество причин складывания национального самосознания, но больше склоняется к тому, что свою уникальность стали осознавать только норвежские чиновники и бюргерство, тогда как основная масса крестьян — нет. По его мнению, к концу XVIII в. возник норвежский патриотизм, а главным предметом гордости стали норвежские бонды, которые, в отличие от датских крестьян, были независимыми [16, с. 211]. Норвежский специалист по международным отношениям О. Ристе видел причину формирования национального самосознания в расхождении внешнеполитических интересов двух королевств: Дании и Норвегии. Настойчивые поиски нейтралитета во второй половине XVIII в. ни к чему не привели, поэтому с началом Наполеоновских войн эти государства стали тяготиться союзом [17, с. 53]. Историк Т.Р. Вейдлинг также склонен считать, что в основе национального единства норвежцев лежало постепенно накапливавшееся народное недовольство, но формировать национальное самосознание стали норвежские бюргеры, историки и деятели культуры в кругу Королевского норвежского научного общества в Тронхейме, что особенно стало заметно в 1770–1772 гг. [18].

Среди немногочисленных отечественных исследований можно отметить монографию А.С. Кана, в которой также уделяется внимание складыванию норвежского самосознания. В духе марксистских исследований автор считал, что важнейшим фактором являлись социально-экономические предпосылки

обретения самостоятельности. Однако национальное движение проявлялось лишь в области культуры с 60-х гг. XVIII в., что было заметно по деятельности интеллигенции [19, с. 234].

Таким образом, большинство исследователей полагают, что формирование норвежской идентичности происходило в основном после 1814 г., но до этого периода складывались общенациональные чувства и единение, чему способствовала норвежская интеллигенция, которая после расторжения унии стала еще более активной. В изученных работах роли интеллигенции отдается гораздо большее внимание, чем, например, социально-экономическим и политическим причинам, вытекающим из союза королевств с доминирующим положением Дании. При этом сохраняется дискуссия о том, могли ли существовать нации в Средневековье, была ли национальная идентичность раньше. Норвегия — одно из древнейших государств Европы, там достаточно рано сформировались политические и социальные институты, единое налогообложение, административный аппарат и вооруженные силы. И все же большинство историков склонны считать, что интересы различных социальных групп, аристократии и крестьянства, не совпадали, а значит, не было и национального единства [15, р. 16]. Как будет показано далее, со стороны норвежцев не было мощного сопротивления все более усиливавшемуся датскому режиму. Тем не менее, к концу Высокого Средневековья норвежцы значительно глубже ощущали свое единство, в том числе единство интересов, которое объединяло людей куда более действенно, чем память об этнокультурной общности эпохи викингов [16, с. 103].

***

Несмотря на многовековую историю (первые упоминания о созданном Харальдом Прекрасноволосым королевстве норвежцев относятся к 872 г.), свою самостоятельность и суверенитет норвежское государство получило только в 1905 г. Этому предшествовали долгие годы сначала ослабления норвежской идентичности (поскольку с 1380 г. Норвегия находилась в зависимом положении от соседних скандинавских государств), а затем ее постепенного возрождения к XVIII в. в новых условиях. Важными факторами складывания национального самосознания в эпоху датско-норвежской унии (1536–1814 гг.) стали, на наш взгляд, те политические и социально-экономические условия, в которых проживали норвежцы.

Развитие Норвегии до периода датско-норвежской унии определялось особенностями ее политически ограниченной самостоятельности, а также утратой культурной независимости. «Золотой век» норвежской истории обрывается на смерти короля Норвегии Хакона V в 1319 г. Он не оставил после себя наследников мужского пола, и в результате ди-

настических перипетий наследником стал шведский король Магнус Эрикссон. С этого момента исторический путь Норвегии становится нераздельно связанным с историей других скандинавских государств, которыми ей отводилась роль отсталой зависимой провинции. Зависимость прежней «Норвежской империи» была предопределена не только случайностями в престолонаследии, но и объективными причинами. Среди них можно выделить:

1. Упадок норвежской торговли в Северном море и Северной Атлантике и конкуренция со стороны английских купцов и Ганзейского союза, что было вызвано в первую очередь отсталостью экономики: отсутствием необходимых капиталов для строительства новых предприятий, современных кораблей, складских помещений, формирования профессиональной и оснащенной армии.

2. Устаревшая система военной организации норвежского общества — лейданг, главной задачей которого было использование прибрежного флота для защиты и поддержки береговой линии и военных рейдов. Команды из крестьян-ополченцев ничего не могли противопоставить боеспособным, профессиональным сухопутным армиям, снаряженным арбалетами. Создать и содержать подобное войско обедневшая норвежская аристократия была неспособна, потому в сухопутных сражениях страна уступала Швеции и Дании [17, с. 37].

3. Эпидемия чумы 1347–1351 гг., называемая «Черная смерть». За несколько лет чума опустошила 2/3 Норвегии. Лишь во второй половине XV в. начался рост сельских поселений. Демографический кризис отразился и на положении норвежской земельной аристократии, особенно остро ощущалась слабость дворянства, поэтому власть, сосредоточившаяся в руках чиновников, никто не мог ограничить [16, с. 114].

С 1319 г. была заключена шведско-норвежская уния (1319–1365 гг.), позднее датско-норвежская уния (с 1380 г.). В результате феодальных споров и династических браков сложились предпосылки для заключения общескандинавской унии. Три скандинавских королевства к концу XIV в. смогла объединить Маргрете Датская. Началась эпоха Кальмарской унии (1397–1523 гг.). Уния стала ответом Ганзейскому союзу на растущее немецкое проникновение в государственные дела. Однако уже в момент подписания договора стала очевидной слабость политического влияния Норвегии: весьма характерно, что на документе отсутствуют печати представителей Норвегии, что позволяет предположить, что условия договора были навязаны норвежцам [20, с. 289].

Эта уния сразу же продемонстрировала датскую гегемонию среди остальных скандинавских стран, что не соответствовало интересам Норвегии и Швеции. Такая политика отразилась тяжелым на-

логовым бременем на Швеции и Норвегии, вызывая общественное недовольство заключенным союзом. С 30-х гг. XV в. в этих странах началось народно-освободительное движение за восстановление политической независимости. Движение было разгромлено шведской и норвежской аристократией, но все же кажущаяся безрезультативность определила тенденции к разъединению, ставшие еще более актуальными с 70-х гг. XV в., что в итоге повлияло на распад Кальмарской унии. Пока в XV в. и начале XVI в. Швеция и Дания соперничали за главенство в унии, Норвегия выплачивала громадные налоги и мирилась с проникновением ганзейских купцов в верхушку власти.

Распад Кальмарской унии в 1523 г. не привел к желаемой независимости Норвегии [21, с. 419]. В 1536 г. датский рейгсдаг в одностороннем порядке объявил северного соседа своей провинцией. Из формально равноправного члена союза королевств Норвегия превратилась в подвластную провинцию. Зависимое от Датского королевства положение обернулось для норвежцев усилением эксплуатации и налогового давления. Территории страны пытались прибрать к своим рукам дворяне, многие из которых были теперь выходцами из Дании. С развитием товарно-денежных отношений увеличились дополнительные поборы и платежи. Помимо поземельных платежей, датское дворянство пыталось распространить привычную для Дании барщинную систему. В XVI–XVII вв. Дания вела многочисленные войны, что повышало налоговое бремя на крестьянство. Происходили попытки ограничить традиционные норвежские формы волеизъявления — народные собрания и тинги — старинные судебные, а затем и политические собрания местных жителей. В XVII в. и вовсе были запрещены самовольные собрания и коллективные петиции. Все вопросы поднимались только на тингах, которые могли созывать лишь представители аристократии и чиновничества [18].

В XVI–XVII вв. в Норвегии начался экономический подъем, связанный с зарождением капиталистического предпринимательства: ростом международной торговли и выходом на иностранные рынки — России, Германии, Нидерландов, Англии, а также развитием промышленности, в основном горнодобывающей, и появлением ремесленных цехов. В этот период государство активно борется с многочисленными иностранными мастерами, стимулируя отечественную промышленность. Происходил рост уровня жизни населения, к середине XVI в. численность населения достигла уровня, существовавшего до «Черной смерти» 1347–1351 гг.

Успехи в экономическом развитии Норвегии нивелировались агрессивной внешней политикой Дании, которая была втянута в серию разорительных войн. Только с 1521 по 1814 г. между Данией и Швецией

произошло 11 вооруженных конфликтов, 7 из которых были проиграны Данией. Все территориальные уступки происходили в основном за счет территории Норвегии. В 1628 г. был подписан закон о создании Норвежской национальной армии, организованной по рекрутской повинности, возглавляемой иностранными офицерами. С четырех «полных» дворов необходимо было выставить одного вооруженного солдата. Во второй половине XVII в. правительство смогло прибегнуть к реализации данного закона [17, с. 49]. В историографии создание норвежской армии в данных условиях также оценивают неоднозначно.

1660 г. ознаменовался установлением в Датско-норвежском государстве абсолютизма, вопреки сложившейся годами практики выборной монархии. Фактически датское дворянство вынудили подписать условия против дворянских привилегий. Государственный совет был упразднен, установлена абсолютистская форма наследственной монархии. Фредерик III объявил о том, что оба королевства принадлежат ему согласно божественному праву короля. В 1661 г. в Норвегии были созваны представители всех сословий, чтобы одобрить самодержавную форму правления. Это подтвердилось в конституции — «Королевском законе» 1665 г. [22]. Бюргерство выдвинуло национальные требования, главные из которых заключались в расширении городских привилегий, а также организации своего Верховного суда, создании собственного университета для того, чтобы уравнивать норвежцев с датчанами в правах на высшее образование и на построение карьеры. Многие требования норвежцев были проигнорированы. Так, например, первый университет в Норвегии появился только в 1811 г. [23, р. 622]. Однако были расширены полномочия бюргерства, которому было разрешено участвовать в государственной деятельности и владении землей наравне с дворянами.

Установление абсолютизма привело к расширению централизации и становлению нового административного аппарата, отказу от народных собраний и тингов. Вводились коллегии, Тайный совет, должность генерал-прокурора, тем самым все административные процессы сводились в Копенгаген — столицу Дании. Для Норвегии это означало все большую интеграцию в единую датскую монархию. Происходила унификация в области законодательства, был издан «Общепорвежский свод законов», ориентированный на датское законодательство.

Необходимо отметить то, что складыванию норвежской идентичности препятствовало и доминирование датского языка, поскольку это был язык администрации и церкви, а норвежский язык вообще не имел официального статуса. В XVIII в. была введена государственная школа, что, по сути, привело к ситуации, когда каждый в Норвегии должен был научиться читать и писать по-датски. После революции

1814 г. попытки сохранить норвежский язык легли в основу государственных преобразований [24, p. 47].

В Норвегии установилось всевластие чиновников при полной слабости дворян; на службу в государстве назначались выходцы из Дании, в то время когда выходцы из Норвегии часто оказывались в метрополии. Ко времени отделения Норвегии в 1814 г. среди чиновников оказалось 156 датчан, а в Дании — 208 чиновников-норвежцев [25, s. 564]. Бюрократизация государственного аппарата, усложнение его функций и числа чиновников, содержание армии и королевского двора требовали больших государственных расходов, компенсированных за счет денежных поборов, чрезвычайных подушных налогов и обязательных работ крестьян — все это вызывало рост недовольства и возмущения норвежского народа.

По переписи 1801 г. в Дании проживало 926 тыс. чел., а в Норвегии 936 тыс. чел., т.е. больше, чем в метрополии [26, s. 33]. Высокий хозяйственный и торговый потенциал Норвегии нередко сдерживался абсолютистской политикой Дании, что ударяло по интересам всех сословий. Торговля в норвежских городах перешла в руки посредников-бюргеров, это усложняло проникновение крестьян на торговые рынки и вызывало подорожание товаров. Более либеральный таможенный тариф датско-норвежского государства был опубликован только в 1797 г.

Постепенное сближение датских чиновников с местным населением — городской буржуазией и верхним сельским слоем — заставляло их проникаться чисто норвежскими интересами, что прослеживается, например, в деятельности датско-норвежского промышленника и политика Якоба Алла [23, p. 620]. Все чаще стала осознаваться норвежская самобытность и уникальность, отсутствие общности в интересах с Данией. Рост общественного недовольства был замечен в выступлениях крестьян-рыбаков, популярном движении крестьянина Енсена Лофтхуса, а также Хаиса Нильсена Хауге. Все эти народные выступления объединяло то, что они носили экономический и античиновничий характер. Однако в сознании большинства простых людей еще сохранялась вера в «справедливого короля». Политические требования из рядов восставших практически не звучали [18].

Рост общественного самосознания свидетельствовал о том, что два королевства отдалялись. Норвежское самосознание формировалось, как это часто бывало в истории, через противопоставление себя «другим». Границы двух социальных групп были весьма очевидны и проходили в сознании людей, понимавших характер существующей власти и социальной несправедливости. Постепенно формировалась нация, которая ощущала себя подчиненным народом, вынужденным двигаться в русле датских амбиций, подчиняться датским чиновникам, дворянству и буржуазии. Самодержавная власть вызывала недоволь-

ство не только датско-норвежской буржуазии, ориентировавшейся, в том числе, и на Великобританию, но и сельского населения, недовольного усилением налогового гнета. Очевидно, что в Норвегии сложились предпосылки для обретения внутренней самостоятельности.

Как нельзя лучше свидетельствуют о подвижках в норвежском менталитете статьи представитель молодой интеллигенции, которая все чаще стала заявлять о себе на страницах газет и журналов. Достаточно привести один пример. Человеком, который впервые попытался написать норвежскую историю, поместив ее в культурно-исторический контекст, стал Герхард Шенинг. В 1771 г. был опубликован первый том «Истории Норвежского государства» [27, s. 25], где он подробно нарисовал яркую картину истории в эпоху викингов вплоть до 966 г. Разумеется, и до этого в Норвегии были и устные предания, и письменные документы, однако для формирования национального самосознания важно было создание связанной концепции национальной истории. В самом названии этого произведения акцентируется внимание на обособленности норвежской истории от датской. В стремлении показать самобытную культуру, великое прошлое норвежцев Г. Шенинг затрагивал их национальные чувства и, что признают практически все исследователи, влиял на формирование норвежской национальной идентичности. Неслучайно в абсолютистском государстве, где власть называла всех гражданами одной страны, происходили постоянные нападки на творчество Шенинга. Подчеркнем, что это лишь один из примеров, отражающих подвижки в норвежском самосознании.

Экономические контакты в конце XVIII — начале XIX в. свидетельствуют о бурном росте торговых и финансовых операций с соседними государствами, а не только с Данией. Проводимые в конце XVIII в. либеральные послабления в пользу Норвегии все же некоторое время сдерживали рост общественного недовольства. Многочисленные запросы населения звучали все чаще, а проведенные в конце XVIII в. хозяйственные реформы хоть и имели запоздалый характер (так, например, правительство и прогрессивные круги королевства готовили аграрную реформу), все же не накаляли общество до революционного взрыва [16, с. 212]. Объективные факты говорят, что общенационального отдаления не было, в период датско-норвежской унии происходил лишь рост национального самосознания на пути к национальной идентичности, которая могла сформироваться только с образованием государства, обретением суверенитета и независимых органов власти.

***

Подводя итоги, следует сказать, что сложный путь формирования норвежской национальной идентич-

ности вряд ли можно описать с помощью какого-то одностороннего подхода. В разные периоды на первый план выходили разные факторы, поэтому более целесообразно использовать в исследовании синтез разных подходов. Несомненно, стоит учитывать в комплексе и экономические, и политические, и культурные факторы. При этом вполне очевидно то, что в определенные моменты играли свою роль давно сложившиеся традиции (тем более, что у норвежцев уже был опыт независимой государственности в эпоху викингов), а на завершающем этапе рассмотренного периода прослеживаются попытки целенаправленного «конструирования» идентичности со стороны управленческой и интеллектуальной элиты.

Дании так и не удалось полностью поглотить Норвегию и превратить ее в зависимую провинцию. Фактор доминирования государства над не ассимилировавшимися норвежцами играл главенствующую роль, однако степень «самоотнесенности» норвежцев с государством постепенно менялась. Одной из причин подъема национального самосознания в конце XVIII — начале XIX в. было то, что государство затрагивало интересы более широких социальных групп, чем раньше [15, р. 14]. Страна обладала достаточной автономией в своих внутренних делах, сформировалась местная гражданская, военная, буржуазная элита, многие ее представители были датчанами, но уже заинтересованными в делах Норвегии. Норвежское общество фактически уже осознавало свое единство и отличие от «Других», но для полного формирования национальной идентичности еще не было юридически оформленного суверенного государства.

Как одно из особенных условий формирования национальной идентичности можно отметить то, что Норвегия долгое время развивалась в тесном (хотя и не вполне равноправном) сотрудничестве и союзе с другими скандинавскими государствами. В этом

процессе важную роль играли договоры, соглашения, компромиссы. Это помогало избежать радикальной ломки политических институтов и долгое время сохранять этнические особенности, «низовые» демократические традиции. В Норвегии, как и во многих других странах, этническая идентичность оказалась исторически первичной по отношению к идентичности национальной. Со временем, по мере развития рыночных отношений, рост норвежского самосознания становился все более заметным, постепенно стали соединяться интересы нескольких социальных групп. Носителем и главным выразителем местного самосознания становится молодая интеллигенция. Считается, что до 1807 г. уния не была слишком обременительной для Норвегии, политические требования почти не звучали. Однако, оказавшись втянутым в масштабный международный конфликт в эпоху Наполеоновских войн, норвежско-датский союз стал трещать по швам. В итоге из-за незаинтересованности в совместной унии и общенародного недовольства усиливавшимся абсолютизмом союз в 1814 г. распался. Деятельность элит нашла опору в национальном самосознании населения, которое в итоге стало главной силой против датско-норвежского союза.

Полноценное складывание норвежской национальной идентичности пришлось уже на период шведско-норвежской унии (1814–1905 гг.). И знаковым моментом в этом процессе оказалось принятие норвежской конституции 17 мая 1814 г. В этот день Норвегия была провозглашена независимым государством, высшим представительным органом в нем признавался парламент — Стorting. Власть короля была законодательно ограничена, закреплялись свобода слова, печати, предпринимательства, неприкосновенность личности и т.д. С тех пор эта дата — 17 мая — ежегодно отмечается в Норвегии как День независимости.

Библиографический список

1. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London: Verso, 2006. 240 p.
2. Смит Э.Д. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. М. : Праксис, 2004. 464 с.
3. Нехаев А.В. Теории наций и национализмов: проблема классификации // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2016. № 2. С. 36–46.
4. Тилли Ч. *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* М. : Территория будущего, 2009. 328 с.
5. Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом планетарной нагрузки // Доклад ООН о человеческом развитии за 2021–2022 гг. *Времена неопределенности, неустроенные жизни: наше будущее в меняющемся мире*. Нью Йорк: Программа Развития ООН, 2022.
6. *Quality of Life Index by Country 2024* // Numbeo. [website]. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp (accessed: 14.02.24).
7. Галумов Э.А. *Имидж против имиджа*. М. : Известия, 2005. 552 с.
8. Торопова Е.А. *Национальная идентичность как компонент имиджа страны* // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 4. С. 219–229.
9. Мартыненко В.О. *Составляющие региональной культуры Норвегии в формировании современного имиджа страны* // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 39. *Современная Россия и мир: альтернативы развития (Историко-культурное наследие и формирование имиджа региона)* : сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 122–132.

10. Медова Ю.А. О соотношении этнической и национальной идентичности // *Философия и общество*, 2010. № 4. С. 119–125.
11. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2012. № 2. С. 14–4162.
12. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко ; ИМЭМО РАН. М. : Весь Мир, 2017. 992 с.
13. Neumann I.B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London and New York: Routledge, 1996. 272 p.
14. Thorkildsen D. Norwegian National Myths and Nation Building // *Kirchliche Zeitgeschichte*, 2014. Vol. 27. № 2. P. 263–276.
15. Bagge S. Nationalism in Norway in the Middle Ages // *Scandinavian Journal of History*, 2008. Vol. 20. № 1. P. 1–18.
16. История Норвегии. От викингов до наших дней / сост.: Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Грентли, К. Хелле, Э. Ховланн. М. : Весь мир, 2003. 528 с.
17. Ристе У. История внешней политики Норвегии. М. : Весь мир, 2003. 416 с.
18. Weiding T.R. *Norge Under Dansk Styre (1537–1814)* // *Store Norske Leksikon* [website]. URL: https://snl.no/Norge_under_dansk_styre_-_1537-1814 (accessed: 10.02.2024).
19. Кан А.С. История Норвегии. М. : Наука, 1980. 715 с.
20. Договор об унии Дании, Швеции и Норвегии / пер. А.Ю. Кузиной, А.Д. Щеглова // *Средние века*. 2003. № 64. С. 271–293.
21. История Европы. Т. 2: Средневековая Европа / под ред. З.В. Удальцовой. М. : Наука, 1992. 808 с.
22. Kongeloven, 14. november 1665 // *Danmarkshistorien.dk*. [website]. URL: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/kongeloven-1665/> (accessed: 10.02.2024).
23. Burgess J.P., Hyvik J.J. Ambivalent Patriotism: Jacob All and Dano-Norwegian Identity before 1814 // *Nations and Nationalism*, Vol. 10. № 4. P. 619–637.
24. Haugan J. Norwegian Linguistic Identity through History – from National Identity to Linguistic Individualism // *Educational Role of Language Journal*, 2021. № 4. P. 42–55.
25. Sars J.E. *Samlede Værker*. Andet bind. Udsigt Over Den Norske Historie 3–4. Kristiania: Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag, 1912. 665 s.
26. *Historisk Statistikk*. Oslo: Statistisk Sentralbyrå, 1968. 632 s.
27. Schøning G. *Norges Riiges Historie*. Kiøbenhavn: Bekostet af H. Mumme og Faber, 1771. 567 s.

References

1. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 2006. 240 p.
2. Smith E.D. *Nationalism and Modernism: A Critical Review of Modern Theories of Nations and Nationalism*. M.: Praxis, 2004. 464 p. (In Russ).
3. Nekhaev A.V. Theories of Nations and Nationalisms: the Problem of Classification. *Omsk Scientific Bulletin. The Series «Society. History. Modernity»*. 2016. № 2. P. 36–46. (In Russ).
4. Tilly Ch. *Coercion, Capital and European States. 990–1992*. M.: Territory of the Future, 2009. 328 p. (In Russ).
5. Human Development Index, Adjusted for Planetary Load. *United Nations Human Development Report 2021–2022 Times of Uncertainty, Unsettled Lives: Our Future in a Changing World*. New York: the United Nations Development Programme, 2022.
6. Quality of Life Index by Country 2024. *Numbeo* [website]. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp (accessed: 02/14/24).
7. Galumov E.A. *Image vs. Image*. M.: Izvestia, 2005. 552 p. (In Russ).
8. Toropova E.A. National Identity as a Component of the Country's Image. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*. 2010. № 4. P. 219–229. (In Russ).
9. Martynenko V.O. Components of Norway's Regional Culture in Shaping the Country's Modern Image. *Diary of the Altai School of Political Studies. № 39. Modern Russia and the World: Alternatives to Development (Historical and Cultural Heritage and the Formation of the Image of the Region)* : Collection of Scientific Articles. Ed. by Yu.G. Chernyshov. Barnaul: Altai State University Press, 2023. P. 122–132. (In Russ).
10. Medova Y.A. On the Correlation of Ethnic and National Identity. *Philosophy and Society*. 2010. № 4. P. 119–125. (In Russ).
11. Kochetkov V.V. National and Ethnic Identity in the Modern World. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2012. № 2. P. 144–162. (In Russ).
12. *Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition*. Ed. by Semenenko I.S. M.: The Whole World, 2017. 992 p. (In Russ).
13. Neumann I.B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London and New York: Routledge, 1996. 272 p.
14. Thorkildsen D. Norwegian National Myths and Nation Building. *Kirchliche Zeitgeschichte*. 2014. Vol. 27. № 2. P. 263–276.
15. Bagge S. Nationalism in Norway in the Middle Ages. *Scandinavian Journal of History*. 2008. Vol. 20. № 1. P. 1–18.
16. *History of Norway. From the Vikings to the Present Day* / comp.: Danielsen R., Durvik S., Grantly T., Helle K., Hovland E. M.: The Whole World, 2003. 528 p. (In Russ).
17. Riste U. *The History of Norwegian Foreign Policy*. Moscow: The Whole World, 2003. 416 p. (In Russ).
18. Weiding T.R. *Norge Under Dansk Styre (1537–1814)*. *Store Norske Leksikon* [website]. URL: https://snl.no/Norge_under_dansk_styre_-_1537-1814 (accessed: 10.02.2024).
19. Kahn A.S. *History of Norway*. M.: Nauka, 1980. 715 p. (In Russ).

20. The Treaty on the Union of Denmark, Sweden and Norway ; trans. by A.Y. Kuzina, A.D. Shcheglova. *Middle Ages*. 2003. № 64. P. 271–293. (In Russ).
21. *History of Europe. Vol. 2. Medieval Europe*. Ed. by Z.V. Udaltsova. M.: Nauka, 1992. 808 p. (In Russ).
22. Kongeloven, 14. november 1665. *Danmarkshistorien.dk*. [website]. URL: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/kongeloven-1665/> (accessed: 10.02.2024).
23. Burgess J.P., Hyvik J.J. Ambivalent Patriotism: Jacob All and Dano-Norwegian Identity before 1814. *Nations and Nationalism*. Vol. 10. № 4. P. 619–637.
24. Haugan J. Norwegian Linguistic Identity through History — from National Identity to Linguistic Individualism. *Educational Role of Language Journal*. 2021. № 4. P. 42–55.
25. Sars J.E. *Samlede Værker. Andet bind. Udsigt Over Den Norske Historie 3–4*. Kristiania: Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag, 1912. 665 p.
26. *Historisk Statistikk*. Oslo: Statistisk Sentralbyrå, 1968. 632 p.
27. Schøning G. *Norges Riiges Historie*. Kiøbenhavn: Bekostet af H. Mumme og Faber, 1771. 567 p.

Информация об авторах:

В.О. Мартыненко, магистр истории, учитель истории и обществознания, Тяжинская средняя общеобразовательная школа №1 им. Героя Кузбасса Н.И. Масалова, пгт. Тяжинский, Россия;

Ю.Г. Чернышов, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

About the authors:

V.O. Martynenko, Master of History, Teacher, History and Social Studies, Tyazhinsk Secondary School No1 named after Kuzbass Hero N.I. Masalov, Tyazhinsk Town, Russia;

Yu.G. Chernyshov, Doctor of History, Professor, Department of General History and International Relations, Altai State University, Barnaul, Russia.